Даяндорж Алтанцэцэг

ОТНОШЕНИЕ К ВРЕМЕНИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ МИРОВОСПРИЯТИЯ: КОНЦЕПТ «ДЕНЬ» В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ)

Работа представлена кафедрой современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета.
Научный руководитель − доктор филологических наук, профессор Г. В. Звездова

Автор изучает временной концепт «день» в русском и монгольском языке на материале древних письменных памятников. Данный концепт как временной указатель выражал самое близкое, конкретно-реальное понятие и сакральное значение в том и в другом языке.

В обоих языках первосмысл концепта можно считать сходным, который рождается в противопоставлении тьмы и света.

Ключевые слова: концепт, целостное мировосприятие, сакральное значение, формула, синкрета.

The author researches the temporal concept «день» («day») in the Russian and Mongolian languages, basing on the material of ancient literary monuments. As a temporal marker, the concept expressed the nearest, concrete, realistic conception and sacramental meaning in these languages.

In both Russian and Mongolian the earliest meanings of this concept could be considered similar. They were born by the opposition of darkness and light.

Key words: concept, world perception integrity, sacramental meaning, formulation, syncreta.

Известно, что человеку архаического общества было присуще наивно-целостное понимание окружающего мира. Это проявлялось прежде всего в том, что человек ощущал себя неотъемлемой частью Вселенной, а значит, осознавал свою неразрывную связь с Космосом и космическими ритмами.

В основе русского летосчисления лежали круговорот луны и солнца, биокосмические ритмы и природно-космогонический творческий акт. Согласно им строилась вся жизнь Древней Руси, хозяйственная, трудовая и прочая. В связи с этим миры физической и нефизической природы, материальной и духовной жизни единились и создавали целостную картину мира.

Все это нашло отражение в содержании временной лексики в целом, которая концептуализировала окружающий мир и взаимодействие с ним человека. Наиболее ярко прослеживается данное положение в содержании и функционировании самой распространенной в древнерусских памятниках (если опираться на словарь-тезаурус = 10.000) темпоремы (концепта) «**дьнь**»[1].

Лексема **день**, по данным этимологических словарей, происходит от *лат.* dies, Диана – «богиня света и жизни». А. Мейе, К. Бругман, А. Преображенский, М. Фасмер и др. связывают слово с индоевропейским корнем *di – «светить».

Праславянский*dьnь и родственные его соответствия обозначали светлую часть суток, а в некоторых языках – «светлый день». Многочисленны индоевропейские параллели: *др.-инд.* dina, *лит.* diena, лат. nundienae – «9-й день, базарный день», арм. tiv – «светлый, белый день». В ряде языков **день** обозначал праздник, «благовещенье», с другой стороны, в *с.-хрв.* dâ – «день» также мера площади пахоты (ср. также: диал. «мера оплаты пастушьего труда»[2]). Нельзя не отметить этимологическую близость темпоремы с **зарей**: «заря», «зорок», «зьрю», «зьрити» (ср.: *лит.* zereti, zriu – «опять светить»).

Несомненно, темпорема **день** в древнерусском языке явилась тем фокусом, в котором произошло соединение языческого (природного) понимания времени и смоделированного христианского времени. При этом сыграли роль два обстоятельства: 1) слово «день» как временнная категория отражает самое близкое, конкретно-реальное понятие; 2) средневековая христианская философия трактовала день как «свет», который сотворил Господь в противоположность дохристианской тьме[3]. В то же время именно в этой лексической единице язык первоначально начинает структурировать реальное время.

В изучаемых нами памятниках древнерусского языка частотность ее употребления связывалась с жанром и объемом памятника.

Так, в «Слове о полку Игореве» лексема **день** употреблена лишь 4 раза в словосочетаниях: *другаго дни*[4], *бишася день* [С. 11], *третьяго дни* [С. 11], *въ день* [С. 11]. *Бишася день, бишася другый;* ***третьяго дни*** *къ полуднію падоша стязи Игоревы* [С. 11]. (Ср.: *Бились день, бились другой,* ***на третий день*** *к полудню пали стяги Игоревы*). Вполне очевидно, что

перед нами *день-событие*. Неслучайно в художественном шедевре используется символика числа **три**, особенно значимого в древних художественных эпических произведениях.

В «Повести временных лет» летопись обрела наивысшую степень художественности. Это выражено и богатым варьированием употребления временной лексики, наличием большого количества темпоральных формул.

В исследуемом памятнике насчитывается 238 случаев употребления лексемы **день**, причем она выступает в самых разных формулах: *по вся дни*[5] в значении «постоянно»; *до сего дне* (С. 13) – «доныне»; *до днешнего дне* (С. 17) – «по нынешний день»; *вся дни живота своего* (С. 62) – «все дни твоей жизни»; *въ той же день* (С. 74) – «в тот же день»; *во оны дни* (С. 81) – «в те дни»; *день от дне* (С. 82) – «со дня на день»; *в нощи и въ дне* (С. 102) – «ночью и днем»; *и не по мнозѣхъ днехъ* (С. 105) – «и немного дней спустя»; *в во ины дни* (С. 123) – «в остальные дни» и так далее.

Также формулы как *в оны дни*, *дни живота*, *не по мнозѣхъ днехъ*, *день от дне*, которые представлены в «Повести…», являлись каноническими и имели ритуально-традиционный характер. Формулы типа *по вся дни* рождались на русской почве, о чем свидетельствует их наличие в говорах.

Подобные формулы, в отличие от канонических, отражали процесс восприятия реального времени и освоения временных параметров. Богатая вариантность подобных формул свидетельствует о поисках новой формы для вычленившегося из первоначальной синкретной единицы значения. Показательно в этом отношении развитие формулы *день и нощь* в значении «постоянно»: *Феодосий же моляше бога за нь, и молитву творяще над нимь* ***день и нощь*** (С. 129). (*Феодесий* же *молился Богу за него и молитву творил над ним* ***день и ночь***) (ср.: *дневная* и *ночная* молитвы).

В данном памятнике лишь в единичных случаях **день** заменяет темпорему **сутки**: *Пришедшю Моисѣеви, не послуша его фараонъ, и попусти богъ 10 казний на фараона:... 9) тьма 3* ***дни***... (С. 66). (*Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него 10 казней:...в девятых,* ***трехсуточная*** *тьма*).

Жизнь мерилась днем, что и подтверждается наличием примеров в «Повести…»: *И рече богъ: «Проклята земля в дѣлѣхъ твоих , и в печали яси* ***вся дни живота своего***» (С. 62). (*И сказал Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться* ***все дни твоей жизни***».)

В памятнике **день** выступает в значении «жизнь», в отличие от монгольской лексемы **өдөр** – «день»: *Мужъ въ крови льстивъ не припловить* ***дний своих*** (С. 55). (*Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины* ***дней своих****.)*

Символика числа **три** так же значима в «Повести…», как и в «Слове…»: *И возлюби Израиля, и идоша от моря* ***3 дни*** *по пустыни, и придоша в Меренъ* (С. 67). (*И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря* ***три дня*** *по пустыне, и пришли в Мерру.)*

Ярко выражается сакральность в формуле *день судный*: *О семь свершается любы, да достоянье имам* ***в день судный****, да еко же онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь* (С. 134). (*Так совершается любовь, чтобы имели мы что* ***в день судный****, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он*.)

Если **день** подобно **году** изначально являлся атрибутом, то с помощью количественно-выделительного суффикса появлялось слово со значением «целый день» как предметность, т. е. светлая часть суток. Если исходить из общего значения **дня**, то производное **дьнина** (мн. ч.) можно рассматривать как слово с конкретно-предметным значением, образо-

ванным с помощью выделительного суффикса – **ина**. Благодаря суффиксу – **ище** появляется **днище** со значением «длина пути», что подтверждает мысль о расхождении пространства и времени в самостоятельные из первоначально пространственно-временных единиц, к каким относилось и слово **день** (в совр. гов. «день пути»[6]).

Своеобразна жизнь темпоремы **өдөр** – «день» и ее функционирование в монгольском языке.

По частотности употребления лексема **өдөр** также превышает все остальные ключевые темпоремы (90 случаев употребления) в первом по значимости литературном памятнике «Сокровенное сказание монголов» и выступает, подобно лексеме **день**, в качестве самой значимой в обозначении реального времени.

Происхождение данной темпоремы этимолог Ц. Базаррагчаа связывает с первоосновой **эдү-гэ** с изначальным значением **эдүкү**, имеющим форму **өдөх** в современном монгольском. Данной форме присуще значение: эхлэх – «начинать, побуждать, затевать что-либо». Таким образом, **эдү-р**, т. е. **өдөр** – «день» происходит от первоосновы, которая означала «начало, начальная пора для занятия человека трудом или какой-нибудь деятельностью»[7].

Востоковед, академик Б. Я. Владимирцов также считает, что три слова: эдүр, т. е. лексема **өдөр** – «день», эдүгүй, которая в современном монгольском имеет форму **өдий** и означает «еще не», также **эдү-гэ** − «теперь, ныне»- образованы от одного этимона **өдү** и их первоначальный корень **-өд-** существует в тюркских языках в значении «время, период, срок»[8].

Т. А. Бертагаев объясняет значение лексемы следующим образом: *монг.* **өдөр** – «день» образовано от основы **өдө**, что означает «солнечный зенит, полдень»[9]. В современном монгольском языке существует слово **үд** – «полдень». Полагаем, что ученый связывает **өдө** и **үд** в значении «полдень, солнечный зенит», хотя это не фиксирует.

Совершенно другую точку зрения в отношении первоосновы слова **өдөр** – «день» находим у монголоведа Л. Г Скородумовой, которая выдвигает версию, что монгольская лексема **өдөр** – «день, световая часть суток» (так же, как и **одоо** – «сейчас») восходит к санскритскому **адьяа** – «солнце»[10], что, на наш взгляд, маловероятно.

Несмотря на различные точки зрения в свете этимологических наблюдений, выявляется общее в толковании темпоремы: первооснова лексемы **өдөр** так или иначе связана с наступлением световой части суток, светом и его животворяющим началом. Древнейший характер первосмысла сделал лексему **өдөр** – «день» не менее важной в темпоральной лексической системе монгольского языка.

Наиболее полно отражена структурная семантика лексемы в «Кратком толковом словаре монгольского языка» Я. Цэвэла, в котором показано, что в современном монгольском языке темпорема **өдөр** – «день» является также метонимической заменой слова **хоног** – «сутки»[11]. Однако данная метонимическая замена отмечается и в «Сокровенном сказании»: *Тэндээсээ хөдөлж, Ононы тэргүүн Ботгон – Боорчид хүрвээс, Жамух болзол газраа* ***гурван өдрийн*** *урьд хүрчээ*[12]. (*Отсюда двинулись к истокам реки Онона, в Ботоган-боорчи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Жамуха прибыл в условленное место* ***тремя днями*** *раньше.)*

В соответствии с лунным календарем, в зависимости от года рождения в двенадцатилетнем животном цикле, у каждого человека имеются *сайн өдөр* – «благоприятный день» (букв. «хороший день») или *муу өдөр* – «неблагоприятный день» (букв. «плохой день») в неделе. Есть и *балжиннямтай өдөр* – «чрезвычайно благоприятный день», *сүлд өдөр* –

«день жизненной силы», *чиса өдөр* – «черный день». Благоприятные дни должны принести человеку успех в делах, здоровье, счастье, т. е. все положительное. Неблагоприятные дни могут принести неудачу, нужду и так далее, поэтому день ценностен и эмоционально насыщен, так же как и у древнего русича.

Темпорема **өдөр** – «день» в «Сокровенном сказании» использована в основном ее значении как «период времени от восхода до заката солнца», т. е. в обозначении реального времени: ***Өдөр*** *бүр нэг хүн манд ирж эсэг ууж одно* [12, с. 205]. (*Каждый* ***день*** *заходит к нам: угостится кумысом и уходит.*)

Примеров, отражающих процесс восприятия реального времени при помощи темпоремы **өдөр** – «день», в настоящем письменном памятнике, много: *өдөр* – «днем» [С. 205]; *нэгэн өдөр* – «однажды» (букв. «в один день») [С. 203, 204]; *өдөр бүр* – «каждый день» [С. 206]; *тэр өдөр* – «в тот день» [С. 317]; *гутаар өдөр* – «третий день» [С. 311]; *манагар өдөр* – «завтрашний день» [С. 215]; *өдөр бүр* – «по вся дни» [С. 220] и тому подобное.

Действительно, в монгольской языковой картине мира древнего периода, как показывает материал изучаемого памятника, **өдөр** – «день» ассоциировался со светом, о чем подтверждается в тексте «Сокровенного сказания» следующими примерами: ***Өдөр*** *гэгээн болгож үзвэл, хойноос нэгэн хүн айсуй* [12, с. 252]. (*Вдруг, при полном свете* ***дня*** (букв. «при том, как день становился светлым»), *видим, подъезжает какой-то человек с тыла.*) *Гэгээн* ***өдөр*** *сэтгэлийг чинь зовооно би* [12;С.275]. /*Только ведь думы твои белым* ***днем*** (букв. «светлым днем») *я утруждать буду даром*/. Слово гэгээн – «светлый, ясный» – происходит от основы гэ-гээ(н), что означает «свет, заря, рассвет».

Рассмотрим **өдөр** в глагольном сочетании в древнемонгольском языке: *Тэмүжин нар шөнө дүлэн явж* ***өдөр гийхэд*** *үзвэл, жалайр аймгийн ах дүү гурвуул шөнө дүлэн нүүж дагалдан ирэв* [12, с. 228]. (*Тэмүжин и другие проехали без сна всю ночь.) Рассвело*, (букв. **просветал день)** *осмотрелись и видим, что к нам подошли следующие племена: из Жалайров три братья Тохурауны*). *Эсэгэ шөнөд* ***өдөр цайтал*** *бүлэх билээ* [12, с. 216]. (*Всю ночь до самого* ***рассвета*** (букв. «до того, как день становится белым») *пахтали кумыс.)* Таким образом, делаем вывод: каждый раз, когда речь заходит о наступлении дня, не образуется сочетание лексемы с глаголом: *өдөр болох* – «наступить, начаться день», как это характерно для современного монгольского языка, а говорится *өдөр гийхэд*, *өдөр гэгээн болоход* – букв. «просветать, рассветать день», когда монгольский глагол *гийх* означает «рассветать, светать, заливаться светом, делаться светлым» или *өдөр цайхад* – букв. «день становится белым», т. е. глагол *цайх* имеет значение «становиться белым, белеть, бледнеть».

Приведенные примеры подтверждают отношение древних монголов ко дню как к самому близкому, конкретному понятию в измерении времени и ассоциировании дня у них со светом.

Также интересно то, что безличное явление природы передается антропоморфным образом: **день** олицетворен, он движется, растет, появляется, т. е. живет. При этом он составляет синкрету **день**-свет.

Данное глагольное сочетание лексемы **өдөр** – «день» с глаголоми ***гийх*** – «просветать, рассветать», ***цайх*** «белеть», на наш взгляд, привело к возникновению словосочетания ***гэгээн өдөр*** – «белый день, светлый день», а в современном монгольском языке устойчивого словосочетания *гэгээн цагаан өдрөөр* – «средь бела дня» (букв. «среди белого, светлого дня»). *Тайчууд хөвүүд бид,* ***гэгээн цагаан өдөр*** *бүхэл хүнийг алдаад, одоо харанхуй*

шөнө хэрхэн олох билээ [12, с. 215]. (*Сынки –Тайчиудцы, вы потеряли целого человека* ***среди белого дня*** (букв. «среди светлого, белого дня»)*, как же можем мы найти его темною ночью.*)

Өдөр − «день» вместе со словом **шөнө** − «ночь» образует, так же как и в русском языке, формулу ***өдөр шөнө*** − «день и ночь», которая в некоторых случаях заменяет слово **хоног** – «сутки»: ***Гурван өдөр, гурван шөнө*** *дурьтгаж хүлээлгэв* [12, с. 269]. (*Задержал он их и продержал у себя* ***три дня и три ночи***) (т. е. трое суток.)

Подобным образом в данном памятнике прослеживается развитие формулы *өдөр шөнө* – «день и ночь» в значении «постоянно, беспрерывно, не переставая»: *Бас түүний хойно, Далан нэмүргэд татаартай тулалдаж хоноход* ***өдөр шөнө*** *үргэлж хур зүсрэн оров* [12, с. 279]. (*И после того ночевали мы в Далан – нэмүрге, стоя против Татар,* ***день и ночь*** *шел проливной дождь.*) Выражение *өдөр шөнөгүй* – «и днем и ночью» в значении «постоянно», «не переставая», «круглые сутки» широко известно монгольскому языку до сих пор.

Словосочетание ***эрт өдөр*** − букв. «давний день», где ***эрт*** − «рано, рань, ранний, давний» выступает как синонимы к словосочетанию *эрт цагт* – «давнее время» в значении «некогда, прежде когда-то, давнее время, древнее время», встречается в «Сокровенном сказании» 15 раз: ***Эрт өдөр*** *эцэг хан Есүхэйтэй эв нэгтэй явснаа санаж, одоо хоёр түмэн цэрэг авч баруун гар болон мордъё* [12, с. 222]. (*Памятуя, что я* ***в свое время*** (букв. «в давний день») *был облагодетельствован отцом Есүхэй − ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом.*) *Бид хонгирад иргэд* ***эрт өдрөөсөө*** *зээгийн зүс, охины өнгөөр улс үл тэмцэн ...* [12, с. 210]. (*Мы, хонгиратское племя,* ***с древних времен*** (букв.«с древних дней») *славимся красотою наших внучек и пригожестью дочерей. С племенами-народами не спорим.)* В данном случае семантика лексемы **өдөр** – «день» расширяется от световой части суток до абстрактного **цаг хугацаа** − «время».

По нашим наблюдениям, в вышеприведенных случаях слова **өдөр** – «день» и **цаг** – «время» выступают как синонимы, образующие синкрету.

Существует выражение *өдөрчийн газар* – «расстояние дневного пути», указывающее на сопряженность времени и пространства в монгольском языке, что характерно и для современных русских диалектов и русского языка в целом.

Слово **өдөр** − «день» как временной указатель обозначало самое близкое, конкретно-реальное понятие в древнемонгольском языке. Вместе с тем образно-символическая составляющая этой лексемы указывает на их природную сакральность.

Итак, и в русском, и в монгольском языке первосмысл концепта «день» можно считать сходным, близким: он рождается в онтологическом противопоставлении тьмы и света. По ряду данных можно проследить его связь с реальным бытием (Козьма Индикоплов, например, рассматривает дьнь и дѣяти как однокоренные слова), т. е. свет – это деяние, бытийность.

В концепте **день** и **өдөр** − «день» четко проявляется как сакральное, так и реально-векторное представление о мире, что свидетельствует о целостности мировосприятия в языковой картине русского и монгольского языка в древний период.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Вып. 3. М., 1988. С. 132.

[2] Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 4. М., 1974. С. 213.

[3] См.: *Звездова Г. В.* Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж, 1996. С. 99.

[4] Слово о плъку Игоревh, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Т. 1. СПб., 1995. С. 10.

[5] Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 12.

[6] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. С. 441.

[7] *Базаррагчаа Ц.* Прослеживание этимологии монгольских слов. Ч. 3. Улан-Батор, 1995. С. 80.

[8] *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. С. 153.

[9] *Бертагаев Т. А.* Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. М., 1971. С. 105.

[10] *Скородумова Л. Г.* Монгольский язык. Образы мира. Улан-Батор, 2002. С. 227.

[11] *Цэвэл Я.* Краткий толковый словарь монгольского языка. Улан-Батор, 1966. С. 433.

[12] Mongrol-un niruĉa tobĉiyan // Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 224.